
студия
ДИАФИЛЬМ

РГДБ
2015
Б. ПАВЛОВ
ВОВКА
с ничейной
полосы
ХУДОЖНИК Г. СОЯШНИКОВ

Вовка проснулся от страшного грохота. Земля под ним уходила куда-то. Над головой с воем проносились снаряды и, тяжело ухая, падали где-то за фашистскими окопами.

Мальчик вскарабкался наверх и высунулся из траншеи. «Эх, не туда бьют! Всё ведь у фашистов в лесу—и техника, и снаряды, и бензин. А наши лупят по брошенной деревне»,—говорит отец сыну. «Сказать бы нашим!»—загорелся Вовка.

«То-то и оно, да как? Сидим в этом подземелье, как кроты».—«С голоду помрём. Продукты кончатся—как жить?—послышался со дна траншеи слабый голос матери.—Вон как грохочет!»—«То, маманя, наши стреляют!»—уточнил Вовка.

Деревня горела, и в отсветах поднимающегося зарева отчетливо проступали очертания фашистских окопов. Почти рядом — колья проволочных заграждений, длинные холмики брустверов траншей. Кое-где торчали стволы пулемётов, лежало несколько противотанковых ежей.

«Затаились, гады. Радуются, небось, что наши вхолостую стреляют. Ну, погодите... Недолго вам радоваться!» — Вовка, прижавшись грудью к брустверу, выкрикивал свои угрозы. 6

Он попытался выпрыгнуть из траншеи. И сразу же рядом выросло несколько фигур в зелёных касках: «Кто бежаль?! Отвечай! Будет стрелять!» Фашист спрыгнул в траншею и молча ткнул автоматом в Вовку.

Вовка вспомнил их заточение в траншею. Они ещё спали, когда в землянку ворвался фашист. Он закричал: «Пшёль! Пшёль! Все пшёль! Здесь будет наш зольдат!»

Выйдя из землянки, отец с костылём повернул было в сторону деревни—там уцелело два полуразрушенных дома. Но солдат погнал его, Вовку и мать к заброшенной глубокой траншее. Здесь им приказано было жить.

Так очутился Вовка с больной матерью и инвалидом-отцом в траншее на ничейной полосе, между вражеской обороной и нашим передним краем. На шею Вовке, матери и отцу повесили бирку, на которой по-немецки было написано название деревни и личный номер. Фашисты запретили им выходить из траншеи ночью. Днём разрешалось ходить под надзором солдат.

«Ты поняла, что задумали эти изверги?—спросил отец у матери.—Это они себя обезопасить хотят. Мы у них вроде щита. Из-за нас не станут стрелять наши артиллеристы».—«Давайте не выходить из траншеи! Пусть бьют наши!»—сказал Вовка.

И как бы в ответ на его слова в окоп спрыгнул солдат и погнал их «на прогулку». «Дожили, пособниками врагу стали»,—сокрушался отец.

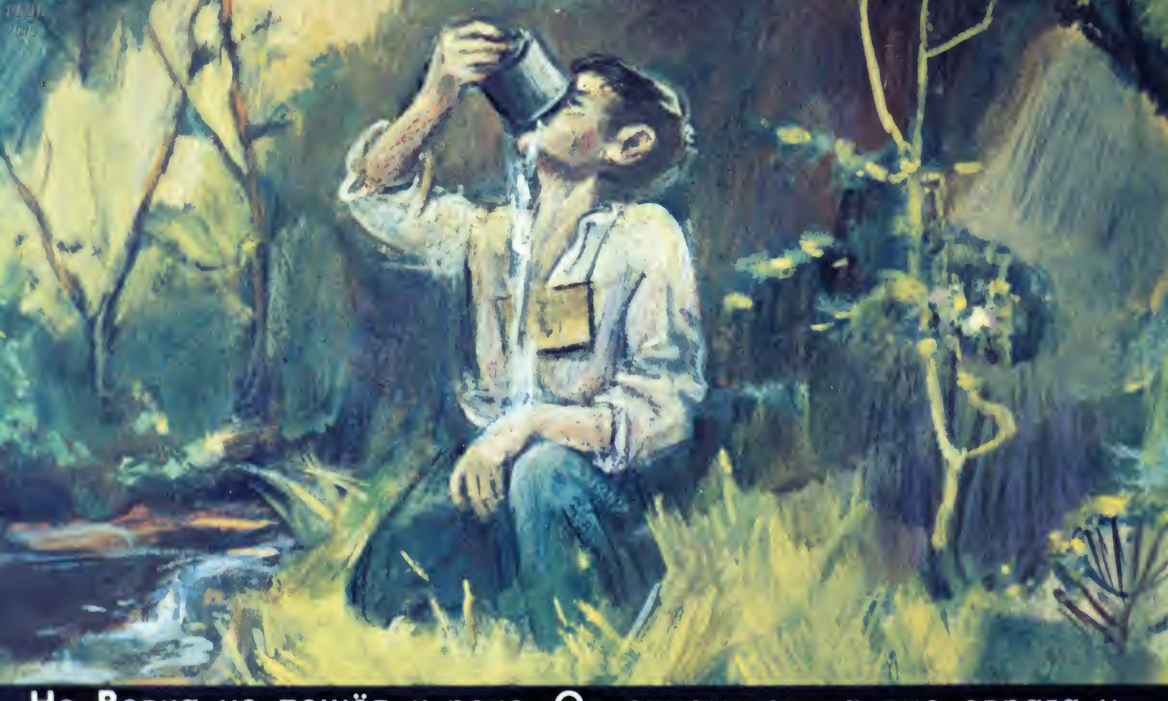
Траншея была прекрасным наблюдательным пунктом. Вовка часами следил за тем, что делается на вражеской стороне. Он запомнил, где у них стоят пушки, пулемёты, где находятся наблюдательные пункты, офицерские блиндажи, кухня, обозы... Всё это было у него как на ладони.

Вовке было уже двенадцать лет. На его глазах фашисты сожгли деревню, убили много жителей. Он ненавидел фашистов лютой ненавистью. С врагом надо бороться, мстить ему. Но как?

Он решил во что бы то ни стало проникнуть к нашим. Взяв пустую банку, Вовка осторожно вылез из траншеи. Подняв её над головой—пусть видят, что он идёт за водой,— Вовка пошёл вниз, к реке. Его никто не окликнул.

Но Вовка не пошёл к реке. Он спустился на дно оврага и направился к ручью. Он всё ждал, что вот-вот кто-то побежит за ним или начнёт стрелять. Подставил под струйку воды банку и вдоволь напился.

На мгновение Вовка забыл о грозящей ему опасности. Но немецкая речь, неожиданно прозвучавшая совсем рядом, заставила мальчика вздрогнуть. Он спрятался в кустах. Солдаты его не заметили.

А когда выбрался из оврага—перед ним стоял фашист. Он взял у Вовки банку и вылил воду в свою флягу. «Гут! Карашо!»—он похлопал Вовку по плечу.

«Чёрт с ней, с водой! — подумал Вовка. — Ведь немец не ругал меня за то, что я отошёл от траншеи. Завтра пойду снова. Может, так и приучу...» Отец поддержал его.

Утром Вовка взял банку и, высоко подняв её над головой, быстро пошёл к реке. Солдат вскинул автомат, но тут же медленно опустил его и, приложив к каске руку, стал следить за мальчиком.

Вовка сбавил шаг. У реки остановился. Напился и пошёл обратно. Солдат снова отобрал воду.

В тягостном ожидании прошёл день. Вовка не отрывал глаз от вражеской обороны. Он должен передать нашим верные сведения! Отец объяснил, как уберечься от бомбёжки и обстрела. «Пора, сынок! Надо идти!»

Вовка показал солдату банку, тот махнул рукой, и мальчик пошёл. Он шёл медленно. Он тянул время, чтобы подойти к речке, когда стемнеет.

Вот и река. Вдали темнел островок, заросший тростником. Вдруг послышался нарастающий гул — шли наши бомбардировщики. Вовка юркнул в кусты. В небо потянулись нити трассирующих пуль. Заметались лучи прожекторов.

«Самое время!—решил Вовка.—Им не до меня».

Он вылез из кустов и тихонько нырнул. Он спешил. До острова было совсем близко. Он не заметил, как ткнулся головой в тростник. Над головой мальчика засвистели пули.

Вовка пригнулся и медленно пополз в глубь острова. Вот наконец и окопчик, знакомый ещё с прошлого лета. Вовка сполз в него.

Когда стрельба утихла, Вовка стал осторожно пробираться на другую сторону острова. Тростник царапал лицо, впивался в руки, ранил ноги.

Из последних сил Вовка полз дальше. А вот и вода! Он нырнул, потом вынырнул и легонько, почти без всплесков, поплыл.

Берег рядом. Он уже на песке. Пули свистят, падают в воду, поднимают на берегу фонтанчики песка. Вовка медленно пополз.

Воронка! Он скатился вниз. Теперь в пулемётные очереди врывается вой мин. Осколки со свистом пролетают над воронкой и, шипя, впиваются в песок. А один осколок врезался в кромку воронки.

Вовка выбрался из воронки. Он уже хотел встать и бежать, как вдруг перед ним вздыбилась земля, и мальчик полетел куда-то...

Вовка, очнувшись, не мог сразу сообразить, где он. Над ним склонились люди в касках. «Жив мальчишка! Жив!»—сказал усатый военный. «Жив я,—тихо ответил Вовка.—А вы свои, русские?»

Вовке дали глоток воды из фляжки, потом взяли с двух сторон под мышки и повели с собой. «Ты как сюда попал, в самое пекло?»—спросил усач.

«Вы меня только к самому главному командиру ведите, у меня к нему срочное дело»,—попросил Вовка. Лейтенант взял Вовку за руку и куда-то повёл. Вовка увидел землянку. 35

Посередине землянки стоял стол. Командир склонился над картой: «Ну, что скажете?»—«Я—Вовка... с ничейной полосы».

Командир поднял голову. Перед ним стоял русоволосый мальчишка, босой, в грязной, мокрой одежде. «Так это ты с отцом и матерью прогуливаешься каждый день у старых траншей, на той стороне? Как он сюда попал, лейтенант?»

«Подобрали, товарищ майор, на нашей стороне, землёй присыпало».— «Как же ты добрался до нас, герой? Калиниченко! Принеси что-нибудь поесть этому храбрецу!»

«Ну, выкладывай, что ты знаешь про фашистов и их оборону»,—сказал майор. Вовка перестал есть и выпалил всё наизусть, без запинки. Командир заносил в блокнот всё, что рассказывал Вовка. «Как раз этого нам и недоставало!»

«Ну, герой так герой! Он даже сам не представляет, какую помощь оказал нам... Прямо чудеса! Медаль за это полагается!» Командир сиял от радости.

Утром Вовка проснулся от рёва моторов и орудийных залпов. Он выскочил из землянки. К реке двигались танки, за ними бежали бойцы с автоматами и винтовками. Они шли на запад! Ближе к Берлину! Наши наступают!

«А где командир?» — спросил Вовка Калиниченко. «Придёт за тобой, подожди. Меня приставил к тебе, чтобы ты не вздумал убежать...» Калиниченко дал мальчику бинокль.

Вовка первый раз в жизни держал в руках бинокль. И он видел, как танки утюжили окопы фашистов.

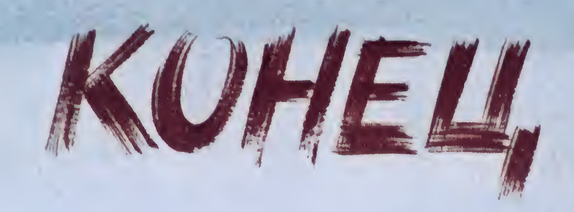
Над лесом, где фашисты прятали технику, стояли столбы чёрного дыма и кружились, пикируя, советские самолёты. К реке всё шли тягачи с пушками, миномётами, тянулись повозки, шли автоматчики.

Вовка не услышал, как рядом с землянкой остановился «козлик». Он оглянулся, когда его окликнули. В машине сидели отец и мать Вовки, военный шофёр. Вовка бросился к ним.

«Ну, вы оставайтесь, а я—к своим. И так самое важное пропустил!»—весело крикнул Калиниченко, сел в машину и умчался туда, где гремел бой.

Художественный редактор В. ДУГИН
Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ
Д-002-86

103062, Москва, Старосадский пер., 7

Цветной 0-30